

Совершенствование тоже требовало «гармонии пера и меча». Если не умеешь читать, то и техники не освоишь, так какой тогда смысл в практике?

В детстве мастер обучал Бай Цыму грамоте. Тогда они проходили «Троеслобие», «Лунь Юй» и другие классические тексты. Он учился урывками несколько десятков лет и, конечно, что-то знал, но сейчас, спустя двести с лишним лет, почти всё забылось.

Чтение было самым утомительным занятием. Как только Бай Цыму брал в руки книгу, его тут же клонило в сон. Но, пожив несколько лет в обществе, он понял: без образования и статуса придётся туго.

Когда-то он работал на стройке, таскал кирпичи и месил цемент под палящим солнцем. Это был адский труд, за который платили всего сто восемьдесят юаней в день за десять часов работы. Тогда он ещё был наивен: обед стоил всего двенадцать юаней, вчерашние деньги ещё не кончились, а сегодня он заработал ещё сто восемьдесят. Денег было столько, что он не знал, куда их девать, и даже боялся, что однажды внезапно разбогатеет.

Позже он познакомился с одним парнем, который каждый день ходил в костюме с галстуком. Дело было не в том, что он завидовал его костюму — его правнук заказывал для него несколько штук, но он их ни разу не надел. Он считал, что строитель должен выглядеть как строитель. За полтора года на стройке он не видел никого, кто бы пришёл таскать кирпичи в костюме. Он носил футболки с круглым вырезом за девять девяносто с бесплатной доставкой — удобно и практично. Что его удивляло, так это то, что этот парень, пригласив его на ужин, расплачивался картой, не моргнув глазом.

Бай Цыму был в недоумении. Этот парень выглядел тощим, носил очки, и было ясно, что кирпичи он таскать не умеет. Сам Бай Цыму был мастером в этом деле, но даже он не осмеливался ужинать на две тысячи юаней. Откуда у этого парня столько денег?

Может, он из богатой семьи?

Оказалось, нет. Он был обычным «элитным» работником, вернувшимся из-за границы. Сидел в офисе, где зимой тепло, а летом прохладно, не мок под дождём и не пёкся на солнце. Работал всего восемь часов в день, но зарабатывал миллион в год.

Сколько же это в день?

Бай Цыму боялся, что от этой цифры у него случится сердечный приступ, и не стал считать. Но на душе было кисло.

Без образования — либо на стройку кирпичи таскать, либо на завод гайки крутить... Встаёшь

раньше петухов, работаешь больше вола, а зарабатываешь меньше других.

Хочешь больших денег — учись.

К тому же, деревенские осмеливались так говорить о Цзян Сяои именно потому, что семья Цзян была слабой и беззащитной: кто калека, кто больной, кто глупый. У них не было ни власти, ни положения, поэтому любой мог их пнуть. Даже когда их ловили на сплетнях, они ничуть не смущались.

В этом обществе с чёткой иерархией, чтобы тебя не обижали, нужно было иметь и деньги, и власть.

Этот уездный экзамен... Надо его сдать.

Бай Цзыму преисполнился решимости. Он решил, что как только выйдет, купит пару книг и начнёт готовиться.

Главный писарь, видя его боевой настрой, погладил бороду и улыбнулся. В наше время таких целеустремлённых молодых людей было мало. Он похлопал Бай Цзыму по плечу и с удовлетворением сказал:

— Ты, парень, молодец, с амбициями. Экзамен завтра. Старик в тебя верит.

Бай Цзыму замер. «...Завтра? Значит, времени на подготовку совсем нет. Пойти на экзамен в таком состоянии — всё равно что впустую потратить время. Но за попытку денег не берут».

Бай Цзыму подумал и всё же решил попробовать. Даже если он не сдаст, то хотя бы наберётся опыта. В любом случае, этот экзамен ему придётся сдавать — сегодня или в другой раз. Без статуса его будут унижать.

Уездный экзамен состоял из пяти частей, по одной в день.

Получив хуцзи, Бай Цзыму записался на экзамен, а затем вернулся к главному писарю и задал ему ещё кучу вопросов. Он мало что знал о законах Великой Чжоу, а раз уж подвернулся знающий человек, грех было не спросить. Главный писарь оказался добрым и проговорил с ним весь день. Когда Бай Цзыму вышел из ямыня, уже смеркалось.

Он зашёл в лавку тканей, купил себе штаны, а затем нашёл таверну. Комната стоила двадцать вэней за ночь. Не было ни сквозняков, ни протечек, обстановка была лучше, чем в доме Цзянов, кровать — большая, с мягким тюфяком. Но Бай Цзыму ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть.

Было как-то непривычно, будто чего-то не хватало.

Стоило ему закрыть глаза, как в голове снова и снова всплывал образ Цзян Сяои.

Он вспоминал, как тот улыбался, и на его щеках появлялись две неглубокие ямочки, а глаза превращались в полумесяцы.

Вспоминал, как тот с довольным видом ел конфеты.

И ещё... как он смотрел на него — со смесью робости и отваги.

Цзян Сяои без конца прыгал в его мыслях. Бай Цзыму почувствовал раздражение, перевернулся на другой бок и выглянул в окно.

На небе ярко светили звёзды.

Сознание снова невольно вернулось к Цзян Сяои. «Уже так поздно, он закончил свои дела? Наверное, нет. Обычно в это время он только-только моет задницы двум сорванцам».

Масляная лампа отбрасывала тусклый свет. Бай Цзыму отвёл взгляд и долго смотрел на неё.

Раньше, когда они были вместе каждый день, он ничего такого не чувствовал. Но теперь, проведя в разлуке всего один день, он понял, что очень скучает по Цзян Сяои и двум сорванцам.

Он ушёл. Интересно, плакали ли малыши? И что теперь будет делать Цзян Сяои? Где-то он слышал такую фразу: «Некоторым девушкам ничего не нужно делать — они выходят замуж за хорошего человека и живут счастливо всю жизнь. А другие рождаются добрыми, но все горести мира обрушиваются на них. Судьба — как одуванчик: подует ветер — он летит, ветер стихнет — он падает. Упадёт на плодородную почву — будет расти и цвести, упадёт на бесплодную — будет мучиться всю жизнь».

В эту феодальную эпоху девушки и гэ'эры были подобны этим одуванчикам. Деревенские говорили, что Цзян Сяои уже немолод, да и условия у него неважные, так что на хорошего мужа ему рассчитывать не приходится. А если он выйдет замуж за плохого человека и его будут обижать, что тогда?

При этой мысли Бай Цзыму не мог усидеть на месте. Ему хотелось вернуться и присмотреть за Цзян Сяои. Если его не будет рядом, и его обидят, кто за него заступится?

Но не уходить... люди и демоны действительно не могут быть вместе.

Легенды гласили о древних божественных зверях: Цинлуне, Байху, драконах и фениксах. Но Бай Цзыму никогда их не видел. Раньше он думал, что это всё выдумки предков, но мастер сказал ему — они существовали. В те времена совершенствующиеся и великие демоны были повсюду. Но потом мир изменился, духовной энергии стало мало, и условия для совершенствования исчезли. Пришлось всем «переехать».

И дело не в том, что после основания государства стало нельзя становиться духом. Просто совершенствоваться стало трудно, и стать духом — тоже. Многие маленькие демоны умирали, не дожив до этого момента. Поэтому, чтобы стать духом и принять человеческий облик, приходилось идти на ухищрения. Например, поглощать мужскую энергию ян, или женскую инь для подпитки... Чтобы избежать бед, после основания государства маленьким демонам запретили становиться духами.

В Великой Чжоу духовной энергии было ещё меньше, чем в городе А. Если пилюли в его пространственной сумке закончатся, и у него не будет вспомогательных средств, он не сможет дальше совершенствоваться, не достигнет уровня Золотого Ядра, не станет божеством. Он сможет прожить лишь на сотню с лишним лет дольше обычного человека, и всё.

С тех пор как не стало мастера и старшего брата, он день за днём, год за годом, один, ел и спал, спал и ел. Повторял эти скучные и однообразные действия, и сто лет пролетели как один день.

Если он продолжит совершенствоваться и проживёт несколько сотен лет, но один... будет ли в этом смысл?

Если бы он мог каждый день, открывая глаза, видеть любимого человека и быть с ним до конца жизни, то, может быть, даже сто лет были бы более значимыми, чем двести или триста.

«Любимый человек...»

Бай Цзыму пошевелил указательным пальцем. Как только эти слова промелькнули в его голове, он снова подумал о Цзян Сяои.

Почему он подумал о Цзян Сяои?

Потому что...

Внезапно нахлынуло какое-то необъяснимое чувство. Бай Цзыму резко сел на кровати, напуганный внезапно возникшей мыслью.

Раньше он не задумывался об этом, но теперь понял, что Цзян Сяои для него — не то же самое, что другие.

За всю свою жизнь его никто не бил. Как маленького наследного принца секты Цинмин, если бы кто-то осмелился его тронуть, он бы не успокоился, пока не сделал бы того инвалидом. Но Цзян Сяои до сих пор был цел и невредим.

После того как он пришёл в себя, он не ушёл из семьи Цзян сразу, и не потому, что не мог, а потому, что...

То смутное, неясное чувство к Цзян Сяои постепенно становилось отчётливым.

Ответ был на поверхности.

Он любит Цзян Сяои.

Потому что любит, тот был для него особенным. Поэтому, когда он увидел, что Цзян Сяои падает, он, не раздумывая, бросился к нему. Поэтому, в тишине ночи, все его мысли были о нём.

Эта любовь, хоть и возникла непонятно почему и непонятно откуда, но «чувства» и «любовь» — это вообще странные вещи. Не для всего в жизни есть причины.

Раньше за ним ухаживали многие. И поскольку он был красив, среди них были люди самых разных характеров и внешности: от пятидесятилетних богатых вдов до шестиклассниц. Многие признавались ему в любви. В эпоху материализма и свободного обмена информацией их способы ухаживания были разнообразны и куда изощрённее, чем у Цзян Сяои. Были и скромные, и прямолинейные, и такие страстные, что было трудно устоять. Были те, кто, чтобы понравиться ему, тратил огромные деньги, и те, кто под палящим солнцем ждал его у стройки.

Но тогда, перед лицом этих людей, у него не возникало никаких чувств. Он лишь терпеливо советовал им вернуться в школу. А Цзян Сяои...

Способы ухаживания Цзян Сяои были просты и однообразны, не шли ни в какое сравнение с ухищрениями тех девушек.

Любовь с первого взгляда — слишком поверхностно, любовь, рождённая со временем — слишком блекло.

В двадцать лет чувства и эмоции так же трудно контролировать, как и у подростка.

Он полюбил Цзян Сяои, скорее всего, потому, что ему очень нравилось, как тот смотрел на него — с нескрываемой любовью в глазах.

Робкой, но отважной.

Стеснительной, но страстной.

Искренней и пылкой.

Это его и привлекло.

Именно Цзян Сяои впервые заставил его испытать чувство, называемое состраданием.

Хоть люди и демоны не могут быть вместе, эту преграду можно разрушить.

Он мог бы разрушить свой духовный источник, направить его энергию на стабилизацию человеческого облика. Цена была высока — он, возможно, больше никогда не сможет совершенствоваться. Но прожить жизнь до седых волос с любимым человеком...

Это было не так уж и плохо.

«Сдам экзамены и вернусь!»

Иначе Цзян Сяои так и будет прыгать в его мыслях, и он, чего доброго, умрёт молодым от тоски.

На следующий день, ещё до рассвета, пришёл слуга и, постучав в дверь, разбудил Бай Цзыму.

Бай Цзыму, взяв маленькую корзинку, всю дорогу зевал. Когда он подошёл к ямыню, он всё ещё был в полусонном состоянии.

Было всего четыре часа утра, но у ямыня уже выстроились две длинные очереди.

Чтобы избежать мошенничества, стражники должны были тщательно проверить каждого, прежде чем впустить в экзаменационный зал.

На рассвете поздней осени было довольно холодно. Бай Цзыму вытянул шею и посмотрел. Проверка шла медленно. Он подумал, что нет никакой разницы, войти в зал раньше или позже, и отошёл в сторону, чтобы немного отдохнуть. Но не успел он сесть, как кто-то похлопал его по плечу.

— Ой, — Бай Цзыму обернулся и удивлённо воскликнул: — Господин, это вы! Так рано.

Главный писарь улыбнулся.

— Уездный судья занят, я должен присматривать. — Он смерил Бай Цзыму взглядом с ног до головы. — Ну как, волнуешься?

Бай Цзыму покачал головой.

«Волноваться? Да с чего бы. Я и не такие экзамены сдавал».

В прошлые годы на уездных экзаменах писарь тоже был занят. Он видел множество учеников. Некоторые нервничали уже при записи, а в очереди на проверку перед входом в зал их и вовсе трясло так, что страшно было смотреть. Каждый год находилось несколько человек, которых вносили в зал на носилках.

Небо было ещё тёмным, и стражники по обеим сторонам очереди зажгли факелы, чтобы было хоть что-то видно.

Многие ученики стояли с бледными лицами, было ясно, что они очень нервничают. В этом году было ещё ничего, а раньше бывало, что кто-то падал в обморок прямо в очереди.

Главный писарь отвёл взгляд и снова посмотрел на Бай Цзыму. Он внимательно вгляделся в его лицо. Тот сидел, подперев подбородок руками, с ленивым и красивым лицом, абсолютно спокойный, как старый пёс.

Писарь вдруг вспомнил, как тот вчера вошёл в ямынь — без всякого страха, будто на рынок пришёл. И сразу понял, что этот парень не так-то прост. Обычные люди боятся стражников, не говоря уже о ямыне.

Но Бай Цзыму восемь или девять раз попадал в полицейский участок. В первый раз, когда его привели, полицейские, увидев его красивое лицо, с улыбкой спросили: «Эй, парень, что натворил?». Во второй раз: «Как, снова ты?». В третий: «Почему опять ты?». В последние несколько раз, когда его видели, все уже привыкли и просто говорили: «Вернулся. Голоден? Хочешь, принесу что-нибудь поесть?».

Он ходил в полицейский участок, как к себе домой. Так что какой-то ямынь его не пугал.

— Всё, что я тебе вчера велел купить — кисть, тушь, еду — всё купил? — спросил главный писарь.

— Купил, — с болью в сердце ответил Бай Цзыму.

— Дай-ка посмотреть, — главный писарь взял корзинку у его ног, откинул покрывавшую её

ткань. Внутри лежали кисть, брусок туши и две большие паровые булочки.

Уездный экзамен был не таким строгим, как академический. Академический длился три дня, и на это время экзаменационный зал полностью закрывали. Кроме тех, кто сдавался или кому становилось плохо, ученикам не разрешалось свободно передвигаться или выходить. На уездном экзамене вечером можно было выйти. Ямынь не предоставлял еду, и обед ученики приносили с собой.

Стражники проверяли очень тщательно. Учеников заставляли раздеваться, а принесённые кисти, тушь и еду осматривали досконально. Мясные булочки, остыв, могли вызвать расстройство желудка. К тому же, стражники не только разламывали булочку, но и тщательно проверяли начинку, разламывая её снова и снова. К обеду такая еда выглядела совсем неаппетитно. Да и во время экзамена все мысли были сосредоточены на заданиях, мало у кого был аппетит. Писарь был опытным и посоветовал Бай Цзыму купить просто две паровые булочки.

Кисть и тушь стоили недёшево. Вчера Бай Цзыму занял у главного писаря пол-ляна серебра, думая, что этого хватит с лихвой. Но когда он пришёл в лавку, оказалось, что самый дешёвый набор стоит сто тридцать девять взней. У Бай Цзыму сердце кровью обливалось.

Время подходило. Главный писарь похлопал его по плечу.

— Парень, постарайся.

Бай Цзыму тоже хотел постараться. Но когда он вошёл в экзаменационный зал и стражник раздал листы с заданиями, он, взглянув на них, остолбенел.

Витиеватые иероглифы. Он понимал смысл лишь наполовину. Как тут сдавать?

Но его внук-директор говорил, что на экзамене самое главное — не оставлять пустых мест. Если это математика, и ты не знаешь решения, пиши все формулы, которые помнишь. Если повезёт, и какая-то подойдёт, можно получить два-три балла. А с сочинением и того проще: неважно, знаешь ты или нет, просто пиши до упора. Даже если ты отклонишься от темы на десять тысяч ли, любой учитель с каплей совести поставит хотя бы балл за старание.

Если бы это был английский, с его ограниченным словарным запасом он бы и не знал, что написать. Но это был «язык»... Насочинять тысячу иероглифов он сможет.

На листе было всего три задания. Одно теоретическое, одно — что-то вроде заполнения пропусков, и одно «практическое».

Теоретическое задание было взято из «Лунь Юй», а заполнение пропусков — из «Цзин Лунь». Это проверяло «базовые навыки» ученика, его знание теории и эрудицию. Обычно достаточно

было написать толкование.

Кроме того, первый экзамен был особенно важен, потому что он решал, допустят ли ученика до следующего, более высокого уровня — областного экзамена. Поэтому простого зазубривания было недостаточно. Чтобы проверить, может ли ученик применять свои знания на практике и умеет ли он излагать свои мысли письменно, давалось «практическое» задание.

Суть практического задания сводилась к вопросу: «Каким должен быть чиновник и как к нему следует относиться?»

Бай Цзыму чуть не подавился. Как относиться? Конечно, смотреть во все глаза! Что за вопросы?

Бай Цзыму долго думал и в итоге лениво писал полчаса. Он не знал, правильно или нет. Всё, что знал, — написал, чего не знал — насочинял. А сдаст или нет — это уже как повезёт.

Пять дней пролетели как один миг. Когда Бай Цзыму закончил экзамен, он был в каком-то тумане. Главный писарь, увидев, как он выплывает из экзаменационного зала, с улыбкой спросил, как всё прошло, понял ли он задания, смог ли написать.

Бай Цзыму ещё не успел ответить, как писарь заглянул в его корзинку. Увиденное его поразило. Брусок туши был использован больше чем наполовину. Какой ученик в прошлые годы мог таким похвастаться?

В экзаменационном зале ученики делились на два типа: те, кто знал, и те, кто не знал. Те, кто знал, использовали тушь. А те, кто не знал, иногда сидели целый день и не могли выдать из себя ни слова.

Писарь посмотрел на него с новым уважением.

Было уже поздно. Бай Цзыму поговорил с главным писарем ещё немного и поспешил обратно.

Деревня Сяошань, дом семьи Цзян.

Сегодня дома снова варили жидкую рисовую кашу с тушёной капустой. Добавили масло и соль, вкус был нормальный. Раньше такую большую тарелку съели бы подчистую, но в последние дни не только у детей, но и у отца Цзяна не было аппетита.

Домашний медвежонок пропал. Дети были очень расстроены. Цзян Сяои ходил как в воду опущенный, потерянный, ко всему безразличный, постоянно витал в облаках.

Младшие в первые дни тоже всё время плакали, скучали по Мишке, спрашивали, куда он убежал, хотели, чтобы он вернулся. Они даже есть не могли и умоляли отца Цзяна пойти и найти его. Но медвежонок, скорее всего, убежал обратно в горы. Горы такие большие, где его искать?

Медвежонок был послушным и милым. Не только дети, но и он сам чувствовал, что без него в доме чего-то не хватает, стало не так весело.

Цзян Сяои вымыл посуду и вышел во двор.

— Отец, я выйду ненадолго. Вернусь и искупаю младшего брата.

Отец Цзян вздохнул.

— Опять идёшь искать медвежонка? Не ищи. Он, наверное, уже давно в горы убежал. В деревне ты его не найдёшь.

В последние дни, как только Цзян Сяои заканчивал дела, он уходил. Отец Цзян, конечно, спрашивал, куда он. Цзян Сяои отвечал, что просто погулять. Но отец Цзян знал, что он целыми днями занят. В деревне у него не было друзей, с кем бы он мог гулять. Разве что с гэ'эром Ваном и Хуанем из дома старшей ветви он мог перекинуться парой слов. Но гэ'эр Ван только что родил, а Хуань на несколько дней уехал к бабушке. Куда ему было идти?

В деревне и гулять-то негде. Отец Цзян подумал, что он ищет медвежонка. Но даже если медвежонок не убежал в горы, его, скорее всего, уже кто-нибудь поймал и съел.

Цзян Сяои ничего не ответил. Он молча вышел на улицу. Дойдя до выезда из деревни, он остановился и, не отрываясь, смотрел вдаль.

Он не знал, зачем приходит сюда. Он знал, что Бай Цзыму не вернётся. Но он не мог усидеть на месте. Стоило ему остаться без дела, как он тут же начинал думать о Бай Цзыму. Весь дом был полон его теней. Он просто не мог там находиться.

Он просидел у выезда из деревни полчаса, пока не затекли ноги. Вспомнив, что вода, которую он поставил греться, уже должна была согреться, и что ему нужно искупать Цзян Сяоэра, он встал. Он развернулся, чтобы пойти домой, но, сделав пару шагов, не удержался и снова обернулся.

Дорога, ведущая в город, была по-прежнему пуста.

Цзян Сяои опустил глаза, и его взгляд потемнел.

Он знал, что Бай Цыму ушёл и не вернётся. Но в глубине души всё ещё теплилась слабая надежда.

Но прошло уже шесть дней. Если бы он хотел вернуться, то давно бы вернулся.

Он поджал губы и пошёл домой...

— Цзян Сяои!

Этот голос... такой знакомый, такой желанный. Тело Цзян Сяои замерло. Он резко обернулся.

Весь в поту, к нему бежал Бай Цыму.

<http://bllate.org/book/13701/1589400>